

Лео
Бутнару

поэтическая серия
Библиотека журнала «Дети Ра»

основана в 2008 году

Лео Бутнару/

**ПЕСЧИНКА —
ЖЕМЧУЖИНА —
ПУСТЫНЯ**

Москва
Библиотека журнала «Дети Ра»
2010

Лео Бутнару
ПЕСЧИНКА — ЖЕМЧУЖИНА — ПУСТЫНЯ
М.: Библиотека журнала «Дети Ра» 2010. — 60 с.

ОНА И IV-АЯ СТОРОНА ОБЛОЖКИ

Из моих книг
поэзия обращается к миру:
«Здесь я вместе
со своей подопытной мышкой», говорит,
высовывая палец из страниц
и указывая на мой снимок
на IV-стороне обложки.

ISBN 978-5-91865-049-3

© Л. Бутнару — стихи, 2010
© Библиотека журнала «Дети Ра» (издательство
«Вест-Консалтинг») — оригинал-макет, верстка, 2010

КНИГА ЭММЫ, ПРАВНУЧКИ КНИГИ ИОВА

Израильская сумка
отличается от австралийской сумки
ибо вторая скорей является сумкой кенгуру
а первая представляет собой
просто пластиковую сумку (правда, цветную) в которой
на приеме в «Амбасадоре» (Нептун)
Эмма предложила мне свою книгу. «Напиши что-нибудь»,
попросила.

Вот, наконец, пишу про Эмму и ее книгу
но и про поэта (предполагаю) умершего
от самой простой болезни: отсутствии
друзей. Затем, — прости, коллега, —
нынче полночь иду
еще по непроторенному стихотворению
по неписанному в новом дне
думаю и о просвечивающих
тонких как библиофильская бумага
веках твоей соседки — девицы мамелочки
с сиротливыми сиськами
и сосками — жаркими сосульками, спрашивая себя
я ли грешней Соломона который
оглядывал бронзовое тело Суламифи
включая местечко где женщина
слегка надтреснута как греческая амфора?
Но как и Соломон (я почти его ровесник)
не склонен впадать в ненасытную нескромность
и если даже лира и постмодернистская лирика
не спрашивают
почему не приходишь (не в моде у текущей поэзии)

ты — поскольку я помню —
понимаешь поэзию как семь дорог ведущих в никуда
и как еще семь дорог ведущих повсюду
в этом будучи согласным с профессором по санскриту
и траскрипции который настаивал что
писатели во вездесущей вездесущности
побратимы. (О, сестра моя, невеста моя,
ты сердце мое обратила в рабство, — пел
царь.) Как бы то ни было мы продолжаем верить что
существуют чувствительные сердца которые
между строк поэмы могут прочесть
тайну вечной истинности Поэта
никогда не поддаваясь уверениям что это возможно лишь
золотое сечение цифр
при непознаваемом золотом сечении букв
то есть Поэзии в какой-то
Мадам Бовари произнесла бы: «Флобер — это я»
и немислимо было бы представить финал
(альтернативный)
более подходящий для романа которому
не довелось с нами случиться.

УТЕШЕНИЕ

В тупиковые дни, когда
я лишь сотая часть самого себя
когда решительно все предметы вокруг меня
кажутся не-музыкальными,
в тупиковые дни, когда я всего лишь
сотая часть себя, великолепного
в один из таких дней
не беря в рот ни капли, ни крупицы дурмана
и не влюбляясь вновь
вижу не один мир а два (по сути
три — учитывая тот свет) в подобный
тупиковый день, когда
я лишь сотая часть себя самого, я говорю
хорошо, что со мной ничего не случилось
ну просто здорово — иначе
я бы из кожи вылез, из самой души
из всего написанного
потому что как раз в день сочинительства
в день поэзии я
вместо одного мира вижу два (по сути
три — учитывая и тот свет) и говорю себе
в такой день говорю
должен я поменять свой образ жизни и
если удастся — даже
смерти, потому что
Ты наделил меня, Господи Боже, кое чем
что в моих силах.

КАК ЧИТАЕТ СВЯТОЙ

Как читает святой?
Сначала
от его взгляда
первое слово пылает
которое в свой черед
своим огоньком
следующее зажигает.

Освещающая
воспламеняющая
третье слово
от которого на странице
четвертое загорится...

Именно так читает святой
слова у него светятся и горят,
воспламеняясь подряд
зажигая
именно так —
снова и снова
слово за словом.
не оставляя следов
пепла смысла меж слов
— слой такой тонкий
плотный такой
что никто
не знает что все таки
читал
святой...

КОГДА-ТО

...когда я был очень молод
и был
усыпальницей не рожденных стихов...

ПЛЮС

+
(плюс)

миниатюрный
Иисус
распятый
на
знаке
п л ю с
словно
Себя
прибавляющий

(плюс)
+

CONCLAMATUM EST

даже если ты не ангел
смотри в сторону дома

тяжелая лира за тобою следом
как очарованная летит к травинке

когда оглянешься
за ее струнами
увидишь Евридику
как за прутьями.

* * *

Как
под
лу-
пой
в солнечный полдень
макушка
стала
припекать

Предполагаю
что взгляд Бога
строго перпендикулярен

НЕ ЛОКТЯМИ

Ангелочек, смолоду
не работай локтями,
а крыльями, крыльями!..

ЛЮБОВЬ

Всего лишь песчинка уместится
между нашими сердцами.
Из нее
могла бы родиться жемчужина
но
и пустыня с нее
может начаться...

О TEMPORA!

О времена, о нравы! Даже
у безруких уже не бывают
чистые руки...

ЛИК

В огромности горизонта просвечивает лик
словно
в раздумии смотрит на мир...
Затем
Господь снимает розовый монокль...

ПИСЬМО В НЕЙТРАЛЬНОЙ ЗОНЕ МЕЖДУ АДОМ И РАЕМ

=∂=

Брат мой Фёдор Михайлович Д.
уже никто не верит что
красота спасет мир
но
кое-кто простодушный предполагает что мир
должен спасти красоту

=б=

Сударь мой Лучиан Блага
прошу вас не обессудьте
однако
в последнее время (надеюсь
не на самом деле последнее...)
когда отправляюсь в родные края
обнаруживаю что
вечность в селе умерла...

* * *

Хвастались друг перед дружкой
две лужицы:
— Сегодня
я искупала свинью.
— Я вчера
в себе отразила ангела.

АВТОРСКОЕ ПРАВО

Господи Боже Всесозидающий
ежели вдруг
Тебе сподобится некое стихотворение
некоего обитателя земного (или
подземного...)
просим — сочти и его сочинение
ничтожнейшим
недостойнейшим
смирнейшим
но преоткровеннейшим авторским правом в ряду
во веки веков неоценимого
Сотворения Мира.

СКАЗАТЬ МЛАДЕНЦУ

Чего теперь зря реветь: жизнь
уже началась...

РЕТРО

первые сны наяву
первые стихи
первый поцелуй
лет в 12-13
когда время
а особенно девочки
не означали — деньги...

ЭХО

В пирамиде эхо
потрескиваний —
трещат
морщины мумий.

НА КНИГЕ «ПОЭТЫ АНДЕРГРАУНДА»

— ...и вообще
держите язык за зубами!
— Слишком поздно...
— Что имеешь в виду?
— А имею в виду что я без зубов —
ты мне их выбила
блядская власть большевистская
потому
не могу больше держать язык за зубами
говорю тебе как говорил
блядская власть большевистская...

ТВОЙ ВЗГЛЯД

В свете твоего взгляда
мое тело
отбрасывает тень.

КОГДА ОТЧАСТИ ПОБЕЖДЕННЫЙ...

Когда в моей юности что-то имелось
от упорного беспокойства богов
к тридцати годам когда хмурый
и отчасти побежденный я
расставался с прошлым
чтобы не оказаться во власти обморока скуки
я сказал себе:
«Если действительность столь двусмысленна
что говорить о мечтах твоих если
жизнь сама столь смутна
что еще можно добавить о самоубийстве?..
Столько бестолочи
в общей философии отчасти побежденных...»
Твердил я себе так
что ни разу не пожаловал в гости апостол сплина
а всегда заявлялся апостол эстетики как
недоумение. «Какую тебе дали зарплату?»
допрашивал.
«Тебе что за дело?» я отвечал
ради негласного продолжения каких-то стихов
о познании молодости жизни и смерти
за гранью безконцептных концепций и слов
за гранью поэзии...
И был
я говорил вам
к тридцати годам от-
части по-
беждён
но с всё же
с верой
в свою трепещущую звезду
высокого беспокойства.

БИО-БИБЛИО-ТЕКСТ

Издавна крутой исход из пустынный
Сорок лет блуждают босые
По песчаным дюнам ветрами
Временно построенные
Пророки мира и сегодня рождаются
Со ступнями ног
Уже отбитыми.

Потому античность, возрождение писали
на папирусе, бумаге и камне
словно проклятые для Александрий
писали противопожарно, не раздумывая
что обреченные писатели и сегодня рождаются
с мозолями, с ожогами
на перстах.

ДО ПЕСНИ ПЕСНЕЙ

незадолго до встречи с Соломоном
то есть до Песни Песней
вот она пастушка Суламифь целующая
руку сурового её пастуха — там
на стыке песков
и поля —
но она целовала руку не потому
что кормит
а потому что
ласкает...

_____*

**Перевел с румынского Кирилл КОВАЛЬДЖИ*

ТАК ЧТО

человек настолько незнающий,
человек настолько забавный
человек настолько безответственный
что может сказать всякое,
например:
бессмертие...

ВЕСНА ЛЮБВИ

Какая короткая оказалась
весна любви — Снег-
урочка
расстаяла...

КЛАДБИЩЕ, КРЕСТЫ

столько знаков
плюс
которые
на самом деле
не что иное как
минусы

TOTUM

О, да!
Да, о!
Дао это в одно и то же время то
что существует
и то что не существует
потому что Дао (О, да! Да, о!)
это ВСЕ
даже тогда
когда что-то не существует.

ВНЕ ЗАКОНА

Смерть закон
вне закона
...езде...

ВСЕГДА

здоровье сердца
всегда
тревожный праздник

ПАРАДОКСАЛЬНОЕ СОЧЕТАНИЕ БЕЗОБРАЗНОГО И СОВЕРШЕННОГО

(Парк в Алуште)

Среди кедров, кипарисов
и сосен — подобно пisku
летучих мышей, голоса
суесящихся белок
в круговерти
любовных игр;
писк,
внезапно оборванный криком —
без какой-либо краски приятной —
расфуфыренного павлина;
этот крик, словно черная паста
из цветного тюбика, вдавлен
неуклюжим каблуком;
безобразный, но совершенный
крик павлина...
Да — совершенный!
Потому что каждому ясно:
в нем предельно отражены
одиночество
и спесивость.

СЛАЙД

...На верхушке тучи
полумесяц —
как огненный тюлень
на пике айсберга
в далеких экзотических пространствах,
где наши мечты высшего накала
пересеклись
с реальностью холодной.

ИЮНЬ

Позирует — бесспорно.
Вот чудак:
перебирай задумчиво черешни,
как четки, между пальцев, — все равно
ты слишком юн,
чтобы казаться мудрым.

ЭСТАМП С ВОСХОДЯЩЕЙ ЛУНОЙ

Из жерла кратера
потухшего вулкана,
напоминающего конусную пряжку
на красном поясе горизонта,
видна луны лимонная долька...
Еще мгновенье — и уже она
кругла,
и в медном отблеске похожа
на крышку чайника,
который прокопчен
табунщиками
на кострах кочевий.

СКОЛЬКО ЖЕ?..

Точно так же, как жизнь одну,
так и смерть одну мы должны...

Только все-таки мне не ясно:
долг один у нас
или два?

ГЛАЗА

(Осенний кубизм)

Акации. Их много. Ряд за рядом...
Так называемая лесополоса.
На голых ветках множество стручков
дугобразных, темных, удлинённых,
как множество бровей на фоне неба,
из-под которых сотни голубых
бездонных глаз на нас глядят
из вечности самой,
из бесконечности.

БЕЗ ДОЛГОВ

Сказала мне удача:
— Я ничего тебе не дам,
чтобы потом
тебя не грабить,
требуя долги...

Я ничего удаче не ответил,
поскольку не было причин ее ругать.
как, впрочем,
не было причин
благодарить.

ВИВИСЕКЦИЯ

...и в сердце
глубоко
ему нашли
два туго сложенных
крыла...

СТАРЫЙ ГАМЛЕТ

Точно так же, как все,
я Гамлета знал молодым,
всегда молодым — и только!
И вот однажды (какой сюрприз!)
его я увидел и ахнул:
преклонный старик,
даже беспомощнее и жалче,
чем сам Лир,
стоял предо мною
задумчивей всех персонажей
из вечного мира — Шекспир.
— Что мучит тебя? — я спросил.
Ответил мне дряхлый старик,
когда-то блистательный Гамлет,
ответил так, спрашивая,
как тогда,
четыре столетия назад:
— Не знаю я:
быть иль не быть?

ЕЩЕ ОДНА МЕЧТА О МИРЕ

...И в полночь сновидений
явился день,
в котором был объявлен
глобальный и необратимый мир.
И плача
(кто-то плакал и от радости),
солдатики-романтики,
ефрейторы-прагматики
из вещмешков своих
достали нехотя
припрятанные маршальские жезла,
которые ничто иное как
тщеславие резиновых дубинок.

ЗИМА ПОЛКОВНИКОВ

Полковнику никто не пишет

Габриэль Гарсиа Маркес

Наполеончики, потерпевшие поражение
еще в пеленках своей славы,
еще в колыбели,
болтающейся
на крюку свастики их обреченного успеха,
свастики,
кое-как прикрепленной к прогнившему потолку
жалкой временки,
о н и ожидали,
хотели, жаждали в с е г о
пока наконец,
после 100 лет одиночества,
в неказистых оградках истории,
или местечковых легендах,
в оградках, покрытых снегом, на котором
розовые лапки голубей,
как скромные цветки о четырех лепестках,
уже одряхлевшие,
равнодушные ко всему,
полковники
превратились в странные глыбы-статуи
с ледышками погон
на заснеженных плечах...

И ВСЕ-ТАКИ КОГДА-НИБУДЬ...

Следуя логике,
тот камень, что ворочает Сизиф,
изо дня в день уменьшается.
В своем движении то вверх, то вниз —
он шлифуется о другие камни,
становясь все круглее,
все легче,
пока в конце концов
не превратится в камешек,
напоминающий отполированную
морскими волнами солонатовую гальку,
которую Сизиф,
подражая оратору Демосфену,
положит под свой
одеревеневший от долгого молчания
язык,
и все-таки когда-нибудь выкрикнет
забытому о нем миру:
— Люди, люди,
а я все же справился!..

И ВСЕ ЖЕ...

Днем
омут зеркала, гримасничая,
передразнивает
холодную чувственность
о т с т р а н е н н о,
как глаз воды
со стеклянным отблеском
из лунки,
продолбленной во льду зимы.
Ночью
глубина зеркала —
это башня,
набитая пеплом.
И все же
из утра в утро
воскресает наш образ в нем,
сам себя ободря
почти откровенной
улыбкой...

ДИОГЕН

В дремотном зевке бочки
на коврик из собственной тени
ты падаешь на колени
в отчаянье и раскаянье,
просишь к себе снисхожденья
у непутевой судьбы,
Богом забытой... (Впрочем,
этого знать ты не можешь...)
И тем не менее — нечем
ныне платить... Разве только
искренним апофеозом отрицания
в прах измельчавших чувств,
тех, что ложатся на сердце
едкою пылью камней,
канувших в бездне карьера.

ПОЛЕТ

*Маргарита поняла, что летит
с фантастической скоростью...*

Михаил Булгаков

Ночь кругла, как луна,
как пластинка — 33 оборота в минуту...
Тридцать три — раз, два, три:
ритмы вальса и ритмы тоски
пролетающей женщины,
в той дали,
где теряется взгляд, и откуда
не уловит наш слух
ни молчанья, ни слова, ни крика,
но откуда она, эта женщина, видит и слышит
город,
редкий для века XXI-го,
город, в котором
до сих пор, в самом центре —
действительно трудно поверить —
разливается трель
соловья.
А над крышами плоскими,
аэродромнополосноподобными,
как дымящийся кофе,
обжигая холодные губы неона,
привидением, гаданием с гущи кофейной —
из моей недопитой чашечки кофе,
из дешевой «кофейной» —
поднялся застилающий небо закат.

Лишь в старинной затерянной улочке тесной
раздаёт бесшабашный транжира-трамвай
громыхающий свет изо всех своих окон.
Этим светом летящим
освящен и освищен
был твой дар, Маргарита, —
первый твой поцелуй...
Только — след от слезы,
только — свет от следа
освещает твой лик и поныне, когда
эхо прошлых признаний губы твои
шевелит,
но ни слова,
ни звука,
ни-ни...
(Некасаемо прошлое?
Но откуда надежда,
что не все проходящее — преходяще,
преходяще, как средние века?)
Круженье пластинки,
круженье полета,
круженье звезд,
круженье света,
круженье тьмы,
кружение духа и плоти,
кружение просьбы,
единственной просьбы,
последней:
— Даже здесь,
в глуби Мирозданья,
сердце, не будь островком
одиноким ...

МУЗЕЙ НАД ГОЛОВОЙ

Полки, полочки, подставочки...
На одной из них — соломинка,
за которую когда-то
некто бедный ухватился.
(Может, это Афродита
с ее помощью из пены
выбиралась, да не выбралась?..)

А вон там, глядите, ветка
(к канделябру присобачена),
на которой тип какой-то
восседал, ее пиля...
(Может, это был Икар —
за минуту до полета?)

Ах, чего здесь только нет!
Но давайте по порядку:
яблоко Ньютона,
ножницы Далилы,
Дамоклов меч,
манна небесная,
гром и молнии,
нимб святой,
смертный грех,
НЛО,
и т.д., и т.п... —
и все это —
за исключением соломинки —
на наши бедные головы.
И все это —

прикнуленное,
приклеенное,
пришпиленное —
болтается кое-как
над беззащитным посетителем,
который становится
тем, кем становится:
все зависит от того,
какой экспонат
свалится на его голову.

ТЕНЬ ГОЛУБЯ, ВОЗВРАЩАЮЩЕГОСЯ В СВОЕ ГНЕЗДО

Бумажным змеем из копирки
тень голубя на бреющем полете
проносится над спорышем двора,
касается дыхания собаки
и острых коготков уснувшей кошки,
взбирается,
ло-
 ма-
 ясь,
по ступенькам
и круто по стене —
молниеносно! —
как бы по белой взлетной полосе
взлетает под стреху,
сливаясь с птицей,
ей подарившей очертанье жизни,
и вот теперь так резко отобравшей
иллюзию свободы и полета...
В гнездо вернулся голубь.
Точ-
ка.

ИПАТИЯ

*Памяти Ипатии, достигшей вершин
в математике, философии и астрономии,
зверски убитой в 415 г.
Памяти моему деду Ипатие,
простому крестьянину из села
Негурень / Орхей, Молдова.*

I

Ничто не предвещало возвращенья
в прошедшие века. Казалось даже,
что именем твоим
давно уже утрачена надежда
когда-нибудь хоть выбраться на свет
из лабиринтов памяти моей.
Да и, по правде, не было охоты
о чем-либо серьезном размышлять
в прекрасном южном городе Одессе
на склоне лета...

 Может, близкий вздох
грядущей осени, донесшийся из парка,
настойный на запахах листвы,
уже упавшей под ноги прохожих,
меня склонил к задумчивости...

 Впрочем,
платил я ностальгическую дань
поборщику эмоций — октябрю,
ведь даже ртуть в такую пору грезит,
застыв комком у градусника в горле.
Но все же ностальгические ноты
не заглушали общего настроения

приподнятости, радости — от стольких
молоденьких особ, идущих мимо,
со спрятанным (как пчелка в янтаре)
в карих глазах наивным удивленьем.
Я видел, как несли они в авоськах
медовые надтреснутые дыни,
которые, поспорить можно, были
изваяны в античной мастерской
ремесленником на гончарном круге
и выловлены неводом рыбацким
с кувшинами и амфорами вместе
из вечности ракушечных глубин.

...Скорей всего, что с этого момента
коснулась зыбка памяти моей,
однако, не затронув твое имя,
таящееся где-то в глубине,
и я по-прежнему скользил пространным
взглядом
лишь по верхам...

 И вспомнился мне случай
(любому орнитологу на зависть),
со мною приключившийся в порту —
там я увидел, как орел залетный,
из молдавских, видимо, степей,
напал на чаек, и они метались,
среди гребней волн, пытаясь скрыться в страхе,
но волны сами собственные шкуры
как зебры полосатые, спасали,
откатываясь спешно к берегам.
И маленькая женщина с причала,
прижав ко рту озябший кулачок,
молчала так, как будто бы кричала,
не в силах глаз от моря отвести.
Она была беременна и платье
ее напоминало паруса,
что округлились под попутным ветром...

Да, паруса прославленных фрегатов,
первопроходцев голубых просторов.
И я уже на женщину смотрел
и вспоминал, как в очень давнем споре
одна художница пыталась убедить меня,
что в мире истинных открытий,
увы, не женщины, а только лишь мужчины
способны гениальности достичь.

И вдруг я вспомнил,
тут же пожалев,
что не тогда, не в том далеком споре,
а лишь теперь я вспомнил твое имя,
ИПАТИЯ...

II

В наши очень точные дни,
все же место порой находится
для гипотез и предположений.
И поэтому — предположим,
что ушедшие в Лету эпохи
не исчезли в пучине космоса,
что в его какофонии можно
различить голоса прапрадедов.
Если так, то найти свидетеля
твоего принесения в жертву
не составит большого труда.

Но пока я использую шанс
(почему бы и нет?): предположим,
предположим во имя правды
(и у правды должны быть истоки),
что...

А, впрочем, известно доподлинно:
тебе минуло сорок пять лет.
Ну, а дальше...

Уверен, что ты
не считала морщинок на шее
от серебряных украшений,
потому что в лунное зеркало
ты глядела как астроном
и искала в нем отражение
не лица своего, а облика
бесконечного мироздания.

Как философу подобает,
ты держалась всегда достойно,
не снимая маски покоя
с беспокойной по сути натуры,
вечно жаждущей и одержимой,
полной таинства колдовства,
сгустка чувств, на любовь похожих,
и несвязанных ворожбой.
Напряглась до предела воля,
чье призванье — тобой владеть,
только ты овладела ею,
вырвав право на парадокс:
«Красота — вот мое оружие,
что — по сути — им быть не может,
но, однако, непобедимое,
лишь оно одно и пленяет...»

Недоверчивые гадали,
что же ты хотела поведать
непонятными (так им казалось)
и крамольными (раз непонятными)
подозрительными словами.

Нет ли в них, не дай бог, намека
на бессмысленность жертв и крови,
что легли к алтарям победы
Византийских славных владык?

Да, откуда господи?..

Право,
ты прекрасно всегда понимала,
что народ владыке по нраву
лишь как фабрика аплодисментов.

И вообще, бесконечно далекая
от каких бы то ни было мыслей
о воинствующих легионах,
ты, иными плененная думами,
так любила бродить по тропинкам
пышных александрийских садов,
где стволы загрубелых деревьев
так похожи на ноги коней
белогривых...

Опять метафора?

Но любая метафора может
истолкована быть как угодно.
Значит все-таки есть крамола?..

И тебе становилось грустно,
и тогда ты брала свою лиру,
чтоб под сенью расцветших деревьев
мир гармонию снова обрел.

Средь ученых мужей уникальная
тем уже, что являлась женщиной,
ты естественно и по-женски
на сестер византийских глядела,
подмечая капризы моды:
вновь просторные платя в ходу...
Только тут же себя ты ловила

на — далекой от женской — мысли:
широки эти платя затем,
чтоб могли в них укрыться крылья.

Так была ли ты одинока
среди стольких мужей ученых,
среди стольких своих современниц,
что тебя понять не могли?
Ведь в конце концов, если на небе
среди контуров облаков
различишь человеческий облик,
то не чувствуешь одиночества
в безграничности мироздания.

Ты могла обратиться к Сибилам,
что хранили огонь Эллады,
но общаться с простыми смертными
запрещалось жрицам огня
(кто, откуда мог знать, что ты
перешла за черту бессмертия,
не решаясь перешагнуть
тем не менее грань запрета?)

Восходило высокое пламя,
в нем сгорали древесные кольца,
дольки дней и годов, а с ними
исчезли в огне следы,
что когтями ворон оставлены,
на коре отшумевших веток,
дупла филинов, змей и дятлов,
микродомики короедов, —
словом все, что когда-то значило
штрих, приметку былого времени...

III

Правда, стоит ли об одиночестве говорить?..

Известное дело,
ты была и слыла, Ипатия,
самой мудрой из византиек,
и к тебе, почитая за честь,
постоянно тянулись люди.
Каждый шел оказать почтение
и спешил со своим советом
самым дельным, как им казалось,
важным в сфере любых наук.

Начинали обычно пышно:
«О, Ипатия великодушная,
жрица светлая храма Познания,
снизойди и внемли совету
человека необразованного,
но прошедшего школу жизни...»

Дальше следовал сам совет.

Так, Иона-пастух, наблюдая,
как пасутся его быки,
обнаружил вдруг тайный смысл
в том, что бычьи рога всегда,
даже в жаркие дни — холодны...

Или он же, на радуге глядя,
усмотрел в ней идею моста
(разумеется термин «идея»
был твоим, а не пастуха...)

Приходил рыбак Апостолидис
поделиться своим открытием:
он решил, что в песке прибрежном

скрыто вечное устремление
бесконечно малых песчинок
так же ярко светить, как звезды,
только эти потуги тщетны:
(Но скорее всего рыбак
почерпнул эту мысль у сына,
что безумно хотел учиться
у блистательного Истратиуса).
Как бы ни было, на серьезность
рыбака ты ответила шуткой
(в свои сорок пять ты любила
полукавить как всякая женщина):
— Уважаемый Апостолидис,
понимаете, дело в том,
что песок этот — россыпь веснушек,
облетевших со щек моря...

Боже, разве не знала ты,
что среди пастухов, рыбаков византийских
есть такие, что не отказались
свой ничтожный использовать шанс
на надежду пробиться в бессмертие.
И, быть может, надежда раба
благороднее, чище, красивее,
потому что корысть и тщеславие
ей неведомы, только одна
страсть:

свобода, свобода, свобода!
Но в глазах рыбака — удивленье.
Чтобы как-то замаять эту тему,
ты его отсылаешь к Агриппе —
знатоку песочных часов.
Говорят, что он вместо песка
засыпает часы крупной солью
и поэтому даже в полночь
можно видеть, как время течет...

IV

Тут к тебе подошел монах Элитис,
проходя как будто случайно,
и возвысив свой голос спросил:
— О читательница блаженная
звезд небесных, я слышал, что вскоре
все планеты построятся в ряд,
образуя прямую линию...
Что случится тогда с мирозданием?

Не ответила ты, но подумала,
что гармония космоса впрямь
для кого-то прямая линия,
и, входя в одно ухо, выходит
из другого, ничуть не меняясь.
Но об этом ты промолчала,
понимая, что жизнь коротка,
и нет времени даже нахмуриться,
взять реванш даже в кратком споре
с узколобой служанкой зла.

Ты успела усвоить, что правде
лучше жить иногда под небом
и не сетовать на тесноту,
чем стремиться под небо мира.

V

— Мы пока что предположили
лишь четыре дня, из которых
на один пришлась встреча с монахом.

Этот день роковой мог бы быть
днем любого времени года 415-го.

Предположим: начало осени,
аромат задремавших садов,
словно запах библиотеки
знаменитой Александрийской,
где хранились пергаменты.

Или —
предположим — монах приходил
в день начала цветения персика,
когда розовый лепесток
из набухшей почки свисает,
как в жару язычок соловья
из слегка приоткрытого клюва. (Кстати,
у соловья

гениальность
наследственна.)

Но, вполне вероятно, монах
из туманного зимнего дня
вдруг возник среди мягкой зимы,
столь обычной на бреге Босфора...
Дня, когда сквозь случайные бреши
облаков проникал редкий свет,
отражаясь на россыпях инея,
словно тонкое пламя свечи
в полутьме соляной пещеры.

А, быть может, был летний день?

Но, скорее всего, безразличны
души истинных философов
к переменам времен года,
как глубины колодцев, они
постоянный хранят покой.

И каким бы ни был тот день,
он отмечен был черным советом,
что сквозь зубы монах прошипел:

«Ты молись, но молись не звездам,
а тому молись, кто их создал...»

Ты опять в ответ промолчала:
не понять ему, не понять,
что не молишься звездам ты,
а пытаешься их осмыслить,
до утра не смыкая глаз.

И тогда, когда солнце светит,
однозначного нет ответа:
стал сложнее мир или проще?

Что могла ты сказать монаху?..

Если свет для одних — откровенье
сути многих вещей и явлений,
то другим — в самый светлый день —
уготована слепота
суетящегося крота.

У монаха нет да и не было
никогда никаких сомнений,
но ведь в них-то как раз и кроется
та единственная энергия,
что питает всех одержимых
сверхидеей вечного двигателя,
столь абсурдной в проектах, но
несомненно реальной в сути
постижения всякой тайны.

Несомненно, нежелание —
вот болото, в котором черпает
свои тухлые мысли Элитис
и ему подобные жители —
обитатели темных келий,
где витает их черный дух.

Вырываясь порой на волю,
словно ветер блуждает он
по лугам и цветочным полянам,
надзирая за ростом трав
и цветов. Да, именно ветер
контролирует их высоту.
Лишь попробуй какой-то росток
чуть превысить законные нормы,
его тут же сломает ветер,
срежут ножницы-невидимки
дерзкий стебель под корешок.

Поделом тебе, поделом,
не высовывайся, а будь
ниже трав, тише вод... И тогда
обретешь, наконец, безопасность.

Ну, а счастье возможно ль тогда?
И какую угрозу таят
для тебя вихри черных сутан?

VI

— О душе своей думай, Ипатия,
потому что адское пламя
не щадит запоздалых раскаяний... —

Сколько раз ты слова эти слышала
от монаха, но разве сама
не молилась ты о спасении
своенравной своей души?
Но в отличие от монаха
ты уверена, что душа
человека — есть дух от плоти
и от сути его, что она,
как комета, вполне реальна,
но загадочнее вдвойне.

И ее появление — редкость.

Стольким людям не удается
в жизни даже комету увидеть,
ну, а что говорить о душе?
Как постичь ее тайные знаки,
рассчитать неземные орбиты,
чтобы хоть приблизительно знать
время встречи с душою своей?

Теорема любая бесплодна
без учета хоть искорки света,
что всегда в человеческой сути,
без него ничего не случается.
В этом свете и тайна слепящая,
и блистательные открытия.
Открываем цветок и тут же
лепестками его опавшими
закрываем себе глаза.
Открывая огонь свой, Везувий
им навеки закрыл Помпею.
Открывается миру слово —
закрывается мир тишины.

Что еще мы должны закрыть,
чтоб открылся нам свет добра,
красоты, человечности, разума?

VII

Так ушел без ответа Элитис.
Ты ему усмехнулась вослед
лишь губами, но в этой усмешке
незаметной, беззвучной был скрыт
хохот мудрости...
Ты улыбнулась

плотно сомкнутыми губами,
так похожими на засов,
за которым хранится правда.
И пытаться вдолбить ее всякому —
все равно что пытаться выдолбить
из гранитного камня лодку —
ты прекрасно все это знала,
потому что была на страже
старых истин, а новых — тем более...

...За монахом ушел Апостолидис,
добродушный рыбак, бедолага
с незавидной судьбой игрока:
за удачей всегда поражение.
Но заманчивы их откровенья
среди руин обреченных надежд.

А во многом ли ты — иная?

Как бы ни было, ты сознавала,
что тебя будоражат мысли
те порою, которым от роду
десять, двадцать и больше лет,
что несбывшиеся надежды
и сейчас обещают сбыться,
и не могут никак забыться,
будто не было их и нет.

(Хорошо, что надежду нельзя
подержать в руках, прикарманить...
В этом смысле тебя не ограбить.)

Сколько в мире еще надежд
накопилось в сердцах веками?
И почти что все не забыты,
даже если воспоминанья
умирают вместе с людьми.

Кровоточит ли эта правда?

Ты под черной звездой боли,
к сожаленью, не новичок,
и тебе знакомы мученья,
когда чувствуешь под листом,
на котором ты чертишь карту
мироздания, — как суетятся
сотни мелких жучков-сомнений.

Но не можешь себя заставить
отказаться от этих споров
бесконечных с самой собой,
когда в небе ночном орбиты
плавно движутся, словно реки,
звезды светят в них, как апельсины
на волнах величавого Тибра.

...В эти ночи небесные свечи
освещали фрески раздумий
в полусферах твоих очей.
Как прозрачны были раздумья,
без какой-либо тени предчувствий
о жестокой и близкой смерти...

И казалось тебе, что сил
у тебя для победы хватит
в этой схватке бескомпромиссной.
И поэтому безмятежно
ты глядела на полумесяц —
эту ручку на двери в вечность,
до которой не дотянуться
даже богу границ Терменусу...

Только ты не спешила коснуться
этой ручки, хотя и могла.

VIII

*«Когда ты рядом
и слышится голос твой,
мне кажется, что
общаюсь я со звездой.
Поскольку тобою, Ипатия,
оставленный след
заполнил до края
небесный немеркнущий свет».*

Паллад

«Но вскоре вернулся Элитис
и следом за ним — облако
чертовых черных сутан...» —
десять раз я вычеркивал
эти строки о тех,
кто шел тебя убивать.

С полки библиотеки
словарь мифологический
кричал, что до следующей жертвы
осталась тысяча лет:
птица Феникс жила 1461 год.
А тебе всего-то отпущено было...

О, если бы...

Снова вычеркиваю
строки о тех, кто пришли...

«В этот день расцвел *primula obconica*, цветок,
что всегда расцветает к беде, перед
землетрясением...» —
вновь зачеркнуты строки
о пришедших за жизнью твоей.

Я, несчастный пророк,
сочинитель метафор и грузчик,

разносящий метафоры эти по строфам,
не могу подобрать — как ни бьюсь —
подходящих сравнений
для твоих палачей. Ведь — не страх
заставляет вычеркивать строки
о монахах, о черных сутанах, о зверстве —
мне бессмертье твое не велит написать о конце...

Чем закончить поэму?
Каким ее будет финал?

Нет, представить тебя в злобном вихре сутан
не могу я, Ипатия, и не хочу.
Светлый образ твой, гордый, спокойный,
достойный
для меня навсегда
связан с обликом женщины
той, в Одесском порту, на причале,
чья одежда напомнила мне паруса,
округленные ветром любви и открытий!

_____*

СВЯТАЯ ПРОСТОТА

камбала
оба глаза на одной щеке
она кажется первым божьим созданием
Бог задумал ее когда
был ребенком
(или
египтянином)...

**Перевел с румынского Виктор ЧУДИН*

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ

Ангел
у-
пав-
ший
еще не ангел
ПАД-
ШИЙ!

ПРЕДЧУВСТВУЯ НЕОБХОДИМОЕ ТЕПЛО

будет зима апокалипсиса
и я
как впрочем и сейчас
пилигрим поэзии
буду время от времени останавливаться
чтобы согреться в бороде
какого-нибудь апостола
как солнце из пепла.

* * *

если я поцелую тебе
ковшик ладони
не может ничего не случиться
с линией жизни...

_____*

**Перевела с румынского Анна БЕССМЕРТНАЯ*

СОДЕРЖАНИЕ

- 5/ Она и IV-ая сторона обложки
- 6 / Книга Эммы, правнучки Книги Иова
- 8 / Сердцевина
- 9 / Сумка
- 10 / Утешение
- 11 / Как читает святой
- 12 / Когда-то
- 12 / Плюс
- 13 / Conclamatum est
- 13 / «Как... под... лу...»
- 14 / Не локтями
- 14 / Любовь
- 14 / O tempora!
- 14 / Лик
- 15 / Письмо в нейтральной зоне
между адом и раем
- 15 / «Хвастались друг перед дружкой...»
- 16 / Авторское право
- 16 / Сказать младенцу
- 16 / Ретро
- 17 / Эхо
- 17 / На книге «Поэты андерграунда»
- 17 / Твой взгляд
- 18 / Когда отчасти побежденный...
- 19 / Био-библио-текст
- 19 / До песни песней

Перевел с румынского Кирилл Ковальджи

- 20 / Так что
- 20 / Весна любви
- 20 / Кладбище, кресты
- 21 / Totum
- 21 / Вне закона
- 21 / Всегда
- 22 / Онтологическое
- 22 / P.S. к своей книге «Самое необходимое»

- 22 / Неопределенно, почти по Гёте
- 23 / Почти по Т. С. Елиоту
- 23 / Важно
- 23 / Дорого
- 23 / Наследственность
- 24 / День за днем
- 24 / Poet homines natos
- 24 / На краю поэмы

Перевел с румынского Евгений Степанов

- 25 / Гипотеза
- 25 / Как правило...
- 25 / Гримаса
- 26 / Парадоксальное сочетание безобразного
и совершенного
- 27 / Слайд
- 27 / Июнь
- 28 / Эстамп с восходящей луной
- 28 / Сколько же?..
- 29 / Глаза
- 29 / Без долгов
- 30 / Вивисекция
- 30 / Старый Гамлет
- 31 / Еще одна мечта о мире
- 32 / Зима полковников
- 33 / И все-таки когда-нибудь...
- 34 / И все же...
- 35 / Диоген
- 36 / Полет
- 38 / Музей над головой
- 39 / Тень голубя, возвращающегося в свое гнездо
- 40 / Ипатия

Перевел с румынского Виктор Чудин

- 56 / Святая простота
- 57 / Презумпция невиновности
- 57 / Предчувствуя необходимое тепло
- 10 / «Если я поцелую тебе...»

Перевела с румынского Анна Бессмертная

поэтическая серия
Библиотека журнала «**Дети Ра**»
книга двадцать вторая

ПЕСЧИНКА — ЖЕМЧУЖИНА — ПУСТЫНЯ

Лео Бутнару

Стихотворения

Редактор — Евгений Степанов
Художественный редактор — Джемма Смит
Компьютерная верстка, макет — Скотти
Корректурa авторская

Бумага офсетная
Гарнитура Petersburg
Тираж 500 экземпляров
Сдано в набор 05.08.2010
Подписано в печать 25.08.2010

Библиотека журнала
«Дети Ра» (издательство «Вест-Консалтинг»)
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34. Тел. (495) 978-62-75
Типография ИПК «Квадрат»,
Белгородская обл., г. Старый Оскол,
проспект Комсомольский, 73.